

Иван Толстой: Новая площадка для новых находок. Сегодня разговор у нас пойдет об очень интересном издании, предпринятом Домом Русского Зарубежья на Таганке. Это "Ежегодник", выпускаемый большим коллективом авторов и посвященный тем архивным документам, которые беспрерывно поступают от дарителей. Но не только этому, но и осмыслению самых различных сторон истории русской диаспоры. Надо сказать, что периодические издания, посвященные зарубежной России, есть ("Другие берега", например, выходящие в Петербурге или альманах "Диаспора"), но их, конечно, мало. Эта громадная и богатейшая Атлантида – русская эмиграция – заслуживает большего.

И вот в прошлом году издательство "Русский путь" выпустило первый том "Ежегодника", сейчас выходит второй. Чтобы наши слушатели не запутались, я хочу предупредить, что некоторые из моих сегодняшних собеседников тот первый том называют (по году его составления) ежегодником 10-го года, а нынешний, второй, - ежегодником 11-го.

А теперь перейдем к беседам. О возникновении этого полезнейшего издания я разговариваю с ответственным секретарем этих томов Натальей Гриценко.

Наталья Гриценко: "Ежегодник" возник по моей инициативе, поскольку мне казалось, что наш Дом Русского Зарубежья - достаточно уникальное учреждение и, может быть, является даже, если это не очень громко, единственным в своем роде научно-культурным, историко-просветительским учреждением, где действительно занимаются историей русской эмиграции. Поэтому, как мне представлялось, логично, чтобы в Доме Русского Зарубежья появилось свое периодическое издание, где мы могли бы главную свою задачу выполнять: дать полную информацию о русском рассеянии, подчеркнуть актуальность изучения русской эмиграции в современной мировой науке, привлечь читателей и к архивным материалам, которые хранятся в Доме Русского Зарубежья, и к результатам научной деятельности наших сотрудников. Все-таки у нас в научном центре порядка тридцати научных сотрудников, в большинстве своем - кандидаты и доктора наук. Вот такая была задача поставлена изначально. Прежде всего рассматривали "Ежегодник" как предоставление возможности нашим научным сотрудникам и сотрудникам Дома Русского Зарубежья публиковать те материалы - документальные, источниковедческие исследования - которые бы расширили представление о Русском Зарубежье. При этом долгосрочных планов мы не строили. Так или иначе, первый выпуск получился достаточно объемный и мы понимаем, что, наверное, такой объем мы выдерживать дальше не сможем, хотя второй выпуск, от 2011 года, будет еще более крупный по объему, нежели предшествующий вариант. А вообще, если говорить о планах, то мы предполагаем со следующего года выпускать два тома "Ежегодника", то есть сделать его двухтомным, чтобы каждые полгода выходила одна часть. Надеемся, что нам удастся стать рецензируемым изданием, выходящим периодически. Если он будет существовать столь же долго, сколько существует Дом Русского Зарубежья, будет очень хорошо.

Иван Толстой: Наталья Федоровна, расскажите, пожалуйста, о структуре этих томов.

Наталья Гриценко: Если говорить о первом выпуске, то мы следовали традиционной структуре, принятой в академических изданиях. Материал делился на соответствующие

рубрики — исследования, сообщения, публикации, обзоры архивных материалов, какие-то библиографические материалы - и задача была как можно больше рассказывать о тех архивных материалах, которые хранит Дом Русского Зарубежья. А также хроника научной жизни. Если мы говорим о первом выпуске, то там были представлены хронологии всех научных конференций, семинаров, круглых столов, которые были подготовлены и проведены Домом Русского Зарубежья за 15 лет его существования. Первый выпуск был приурочен к 15-летию Дома Русского Зарубежья и задумывался именно как научное издание, где прежде всего будут публиковаться сотрудники Дома Русского Зарубежья. Так или иначе, мы - издание молодое и пытаемся найти какие-то новые формы, в том числе, и оптимизировать структуры. И если говорить уже о выпуске 2011 года, то мы ищем и немножко по иному пытаемся расположить материал. Например, выпуск 2011 года открывается новым разделом "Трибуна" или "Кафедра", и в этом разделе мы предоставляем слово (и, надеемся, будем предоставлять и дальше) ведущим ученым, представителям российской эмиграции. Выпуск 2011 года открывается воспоминаниями известного исследователя российской эмиграции Жоржа Нива "Мой Русский Париж". Если говорить о структуре, то мы во втором выпуске отошли от традиционной схемы подачи материала, характерной для академических изданий, и уже в "Ежегоднике" 2011 года выделили тематические блоки - научные встречи, история Российского Зарубежья, о литературном наследии, история религиозно-философской мысли, Российское научное Зарубежье, библиография и хроника научной жизни. Здесь мы, может быть, экспериментируем, надеюсь, читатели нас поймут - мы в одном тематическом блоке помещаем и исследовательские тексты, и публикации документальных источников. Нам представлялось, что это дает более комплексное и выпуклое представление об исследованиях, документах, письмах, дневниках, переписке, которые группируются уже по этим тематическим разделам. А если говорить вообще об издании 2011 года, то мы вводим для себя новую рубрику "Научные встречи", где помещаем материалы, связанные с юбилейными торжествами, посвященными 140-летию со дня рождения Бунина. Вообще в Доме Русского Зарубежья бунинские юбилейные празднества были увенчаны, как известно, выходом двух, мы надеемся, очень качественных изданий: "И.А.Бунин: Новые материалы" под редакцией Олега Коростелева и Ричарда Дэвиса, а также "Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве Бунина". И конференция, которая проходила у нас в октябре 2010 года - своеобразный итог изучения Бунина, у нас здесь достаточно активно работают наши сотрудники: и Татьяна Марченко, заведующая Отделом культуры, и Антон Бакунцев, который занимается изучением творчества Бунина. Так что этот раздел достаточно интересен. Мы представили для публикации на страницах "Ежегодника" четыре статьи, они были апробированы на международной конференции, посвященной Бунину, и показывают нам поиски в этом направлении по изучению Бунина. Это и отзыв о произведениях Бунина на страницах "Последних новостей", где Бунин как живой классик предстает, и материал Святополка-Мирского, который с иных позиций оценивал место Бунина в русской литературе. Очень интересный материал в этом разделе, который представляет нам Бунина в эпохе переломной и для него самого, и для страны - это период, когда Бунин выступает со своей знаменитой речью (которую мы публикуем), это публикация Бакунцева "Лекция Бунина "Великий дурман" и ее роль в личной и творческой судьбе писателя". И еще одно интересное представление - "Поэма Блока "Двенадцать" в восприятии Бунина".

Мне бы хотелось отметить материал, который представил нам Алексей Борисович Арсеньев, очень известный исследователь русской эмиграции на Балканах, человек, который не является профессиональным ученым, но, тем не менее, всю свою жизнь он посвятил именно изучению русской эмиграции в Сербии и, вообще, на Балканах в целом. Как мне представляется (члены редколлегии солидарны в этом отношении), материал Алексея Борисовича Арсеньева, который мы представили - "Русская эмиграция в Боснии и Герцеговине" - это малоизученная тема в изучении русской эмиграции именно на Балканах. Причем Алексей Борисович, который очень высоко ценится в научных кругах, смог собрать уникальные сведения о тех русских эмигрантах, которые проживали в Боснии и Герцеговине

- порядка миллиона восьмисот семидесяти тысяч человек. Причем мы публикуем приложение, где он попытался проанализировать профессиональный состав тех эмигрантов, которые прибывали именно в Боснию и Герцеговину, персональный перечень российских эмигрантов, их статус, род деятельности - все это чрезвычайно любопытно. Мы надеемся, что этот материал будет интересен для читателя. Еще хотела сказать о наших планах в дальнейшем. Я уже сказала, что мы трансформируем немножко наш "Ежегодник", но хотим, начиная со следующего года, выделять тематические блоки, планировать наш "Ежегодник", выделяя, либо полностью посвящая его каким-то проблематикам тематическим, либо в структуре, которая уже сложилась, выделять тематические блоки, посвященные или отражающие важнейшие события в истории российской эмиграции. Например, мы сейчас уже комплектуем "Ежегодник", который у нас должен выйти в этом году, и мы там планируем выделить германский блок. Это связано с Годом Германии в России. И дальше мы планируем посвятить отдельные тома "Ежегодника" и затронуть проблемы, связанные с юбилеем династии Романовых, с юбилеем Владимира Ивановича Вернадского. То есть наши планы связаны с попыткой создать тематические "Ежегодники", посвященные какой-то одной крупной проблеме в истории русской эмиграции.

Иван Толстой: О своей публикации в "Ежегоднике Дома Русского Зарубежья" – встречных письмах Георгия Адамовича и Марка Алданова - рассказывает Олег Коростелев.

Олег Коростелев: Переписка Георгия Адамовича с Марком Алдановым это один из самых крупных корпусов эпистолярия Адамовича. Не могу сказать, что это самый крупный корпус в переписке Алданова, потому что у Алданова переписка с Буниным занимает огромный том, а переписка с Адамовичем занимает примерно 10 печатных листов, то есть порядка 250 книжных страниц. Это при том, что сохранились лишь письма послевоенного периода, а именно годы 1944-1957. Более ранняя переписка не сохранилась, поскольку Адамович свою переписку не сохранял совсем, то есть письма, приходящие к нему, он, как известно, уничтожал, и Алданов исключением не был. Исключение Адамович сделал дважды — для Бунина и для Гиппиус. Зато Алданов, как человек

пунктуальный, очень скрупулёзно и тщательно подходящий к архиву и ко всей истории, сохранил не только письма Адамовича, но и собственные письма во вторых копиях. Когда он писал дома на машинке под копирку, эти копии сохранились, а если он писал, находясь где-то в поездке, письмо от руки, то оно пропало совсем. Они принадлежали к такой "аристократической" части литературы русской эмиграции вместе с Буниным, Зайцевым, Мережковскими, то есть именно не к массовой, не к широкой, и так они себя числили и друг друга причисляли именно к этой части. А в последние годы их встречи были уже постоянными, можно было бы это назвать дружбой, если по отношению к Алданову можно сказать, что он был способен хоть с кем-то дружить. В воспоминаниях "Мои встречи с Алдановым" Адамович писал, что во время совместных приездов в Ниццу они встречались раза два или три в неделю в маленьком кафе на Площади Моцарта, и добавляет, что "литературные наши разговоры почти всегда кончались Толстым и Достоевским". Оба друг другу симпатизировали, Алданов слыл безоговорочным профессионалом и даже классиком больше среди эмигрантов старшего поколения, преимущественно из "Современных записок", где он был одним из главных авторов, на которых журнал строил свою литературную политику. Парижские прозаики младшего поколения относились к нему несколько по иному, склонны были считать его скорее эпигоном. Впрочем, некоторые из них в эпигоны Бунина готовы были записать, поскольку сами они писали уже немножко по-другому. К Адамовичу,

которого младшие поколения, наряду с поэтами и прозаиками, тоже признавали своим духовным лидером, они не раз приставали с недоуменными вопросами: действительно ли он считает Алданова большим писателем или это он так одобрительно отзывается о нем исключительно из вежливости, как выразился Мережковский, "исключительно из подлости литературной"? Адамович в ответ отшучивался как мог, как мог защищал Алданова от нападков молодежи. Тут ситуация была очевидна, сомнения их были небеспочвенны. Адамовичу, за его долгую карьеру критика, нередко приходилось соблюдать политес и писать не совсем то, что он думал. Его ближайшее окружение прекрасно это понимало, стремилось вычитывать все между строк. Штука в том, что об Алданове как раз Адамович отзывался высоко вполне искренне, он действительно долго не мог убедить своих младших коллег, что в данном случае совершенно не кривит душой. В одном из писем к Василию Яновскому Адамович писал чуть-чуть в шутку, учил его правилам литературного этикета после войны, что "вы Алданова не обижайте, и будет у вас жизнь легкая" И позже все время поддразнивал его, когда он начинал злиться по поводу Алданова, говорил, что "зря - Алданов очень хороший писатель, лучший, какой в России был после Толстого или даже до него". Как бы немножко в шутку, а, тем не менее, отношение у него было действительно пиететное. Может быть, не столько к масштабу Алданова как писателя, сколько Адамович его уважал и очень ценил как человека за его качества джентльмена, совершенно невероятные для Адамовича. Алданов ведь никогда не покривил душой, никогда не соврал, никогда никого не обидел, ни на кого не повысил голос, не написал ни про кого плохо, просто, как часто бывает у литераторов, ради мести или просто из-за того, что ни с той ноги встал. А Алданов не позволял себе этого никогда и Адамович откровенно и ему говорил, и своим ближайшим друзьям, что есть два человека, которые для него остаются джентльменами до мозга костей и притчей во языцех - это Алданов и Кантор (еще один из его друзей, который безупречен всегда и во всем).

Иван Толстой: Рассказывал Олег Коростелев. Новая площадка для новых находок. "Ежегодник Дома Русского Зарубежья" на Таганке. Еще один участник издания – Николай Мельников. Забытые интервью Владимира Набокова.

Николай Мельников: Публикация посвящена такой грани творческой личности Владимира Набокова как его публичный имидж или персона, которая отражалась, в первую очередь, в его многочисленных интервью. В свое время, в 2002 году, я выпустил целый том его интервью, но туда вошли не все материалы, в частности, не вошли такие представители гибридного жанра как интервью-эссе или очерки. Вы, как журналист, знаете, что есть интервью-диалог (вопрос-ответ), а есть такой очерк журналиста, который описывает свои впечатления от общения с писателем или художником и оснащает его отдельными репликами, какими-то фразами этого персонажа. Естественно, Набоков, как человек эгоцентричный, явно не любил такого рода интервью, потому что в этих материалах он занимал весьма вторичную роль, он был не субъектом равноправным, мягко говоря, а объектом. Естественно, что он такого рода интервью не включил в "The Strong Opinions". Тем более, интервью, которые давались итальянским журналистам, пропали в этих толщах периодики и ни один из англоязычных набоковедов, насколько я помню, эти интервью никогда не цитировал, не вспоминал. Они пропали. Мне было обидно, что такие материалы теряются. Не потому, что они что-то принципиально новое открывают в фигуре Набокова, но все-таки какие-то жесты, какие-то особенности поведения с журналистами, которые проявляются и в речи персонажа, и в тех наблюдениях, которые делают журналисты, порой враждебно-настороженные к этому известному писателю. Это все-таки хотелось донести до набокофилов, которые в "могильнике", в нашем сборнике найдут один уголочек, который будет им приятен. Эта публикация называется (я специально броско назвал) "Писатель и папарацци: Итальянские интервью Владимира Набокова". Она включила три интервью-эссе, мое предисловие и небольшие примечания, которые описывают, что там происходило.

***Иван Толстой:** Прочитайте нам, пожалуйста, какие-нибудь вкусные кусочки из этих интервью или описания Набокова глазами журналистов.*

Николай Мельников: Я могу процитировать пару кусочков, которые были взяты из интервью, которое не вошло в публикацию, потому что там слишком был большой очерк. Например, Набоков говорит о других писателях. "Хемингуэй никогда не мылся, он утверждал, что вода вредит коже".

Пастернак: "Доктор Живаго" - всего лишь политическая мелодрама, не имеющая художественной ценности".

"Ненавижу все, что по вкусу Норману Мейлеру".

И еще о влияниях там, видимо, спросили: "

"Единственные писатели, у которых я в долгу, это Федор Годунов-Чердынцев, Себастьян Найт, Адам Круг, Джон Шейд и Ван Вин — герои моих романов".

Или еще высказывания из журнала "Панорама". Видимо, его спросили о Маркузе (тогда - очень важный философ левого толка). Действительно, Набоков, как правый, отзывается о нем весьма нелицеприятно. "Я прочел несколько выдержек из его произведений, нашел их абсолютно бессмысленными. Интересно, не является ли Маркузе на каком-то африканском или азиатском наречии уменьшительным от Маркса, вероятно, самого юного из Братьев Маркс?".

Набоков в очередной раз обыграл фамилию малосимпатичного для себя мыслителя. А вот хочу процитировать одного из итальянских корреспондентов, который побывал у Набокова в "Montreux Palace" в связи с готовящимся выходом перевода на итальянский романа "Ада". Все три материала скреплены лейтмотивом фехтования, они сравнивают Набокова с виртуозным фехтовальщиком, который пытается уклониться от ответа на задаваемый вопрос. Эти интервью интересны не тем как раскрывается персонаж, а как он пытается увилить или высокомерно игнорировать вопросы журналистов. И вот как журналист Констанцо Константины характеризует своего персонажа: "Сомневаюсь, что Владимир Набоков был искренен в буквальном и примитивном смысле слова - наблюдательный, многоликий и неуловимый, он взвешивает каждый свой поступок, каждое свое слово, все, что делает. Он - большой любитель шахмат, как и Лужин, но сомневаюсь, что он может быть как и Лужин, уничтожен шахматной атакой, реальной или вымышленной".

***Иван Толстой:** Новая площадка для новых находок. Сегодня разговор у нас идет об очень интересном издании, предпринятом Домом Русского Зарубежья на Таганке, - о "Ежегоднике", выходящем во второй раз и посвященном публикации архивных документов и осмыслению разнообразных духовных и социальных процессов, шедших в русской диаспоре. Мой следующий собеседник - Заведующая отделом истории Русского Зарубежья Марина Сорокина. Марина Юрьевна, вы – член редколлегии "Ежегодника", правда?*

Марина Сорокина: Да, я член редколлегии и думаю, что это большая честь, поскольку наш "Ежегодник" выходит совсем недавно и те первые выпуски, которые сейчас появляются и становятся доступны широкой публике, в значительной степени формируют совершенно новое представление (во всяком случае мы на это надеемся) и о такой историко-научной дисциплине как эмигрантика, и о том, что такое вообще мир Российского Зарубежья.

***Иван Толстой:** А почему же новое представление? Вот уже двадцать с лишним лет идут публикации, я понимаю, что они разного качества, разного направления, тематики, объема, и так далее, но почему же корректно говорить о том, что сейчас только начинает что-то формироваться?*

Марина Сорокина: Как и всякая научная дисциплина, эмигрантика тоже пережила определенные этапы своего развития и, конечно, тот бум интереса, который охватил наше поле в последние двадцать лет, он, как и всякий бум, принес огромное количество находок, новых подходов, новых представлений, но в то же время он сопровождался и большим количеством, не побоюсь этого слова, историографической макулатуры. Так бывает всегда, когда появляется что-то новое, свежее - вокруг этого идут разговоры. Тем более, что эмигрантика, помимо того, что это все-таки (мы настаиваем) научная дисциплина, это еще и предмет огромного общественного интереса. Поэтому с приходом этой новой тематики в нашу жизнь, в жизнь бывших советских людей, одновременно публика открывает для себя новый мир, и совершенно естественно, что в этой сфере появляется огромное количество эмигрантиковедческих краеведов-любителей, всевозможных искателей истины в этой области. Их вклад, конечно, исключительный, но одновременно это научная дисциплина, которая имеет свой язык, свой категориальный язык, свои понятия, свои новые подходы. Дисциплина, которая не просто следует за тем общественным интересом, который существует сейчас в мире, вообще к проблемам миграции населения по всему земному шару, но еще одновременно и дисциплина, которая хочет разобраться в этих миграционных, в данном случае — российских, потоках без гнева и пристрастия, без тех публицистических, очень полезных, но, тем не менее, часто эмоциональных оценок, которые присутствуют в широкой периодической печати. Мы стремимся к тому, чтобы строить первые основания этой научной дисциплины, чтобы понимать, чтобы поверять те новые сведения, те новые знания, которые приходят и с открытием архивов, и с развитием эмигрантоведческой периодики, чтобы поверять их не только гармонией, но еще и числом. Для того, чтобы в какой-то степени, и это наш выход на современный день, уменьшить те бесплодные дискуссии, которые ведутся исключительно потому, что люди не обладают какими-то нормальными знаниями в фундаменте, и поэтому очень много пены. Мы не собираемся с ней бороться, мы собираемся просто устанавливать какие-то серьезные научные вешки, по которым можно дальше всем — и широкой публике, и исследователям - идти в изучении этого мира.

Иван Толстой: *Марина Юрьевна, а в какой степени в "Ежегоднике" отражены архивы Дома Русского Зарубежья, деятельность научных сотрудников, а в каком привлекаются вообще интересные темы для общего направления Русское Зарубежье? То есть сколько здесь варягов, сколько своих?*

Марина Сорокина: Я совершенно убеждена в том, что одна из сверхзадач "Ежегодника" это формирование среды тех специалистов и, вообще, широкой публики, которые интересуются этой проблематикой. Достаточно сказать, что сейчас во многих странах мира появились вновь общества русских эмигрантов, которые очень серьезно отличаются от тех эмигрантских организаций, которые существовали, например, в 1920-30 годы, или даже в 1940-50 годы, и которые одной из своих задач считают максимальное сохранение памяти о русском следе на карте мира. Конечно, среди тех, кто сейчас являются или членами этих обществ, или просто занимаются историей российской диаспоры по всему миру, очень много интересных исследователей, и мы считаем своей обязанностью максимально поддерживать то, что они делают в разработке нашей дисциплины - эмигрантики. Ну, например, во втором томе "Ежегодника", как, впрочем, и в первом, большая статья посвящена российской эмиграции в Греции — сюжет, который очень мало известен на сегодняшний день. Автором

статьи является инициатор и председатель Общества русских эмигрантов в Греции имени княгини Демидовой искусствовед Ирина Леонидовна Желнина. Читатели также встретят там статью патриарха эмигрантики Алексея Борисовича Арсеньева, который десятки лет занимается историей русских в бывшей Югославии, и который, я считаю, оказал нам честь, представив новые материалы во второй том "Ежегодника". С другой стороны, мы, конечно, рассчитываем на то, чтобы поддерживать максимально тех молодых исследователей, которые сейчас работают в России, несмотря на все трудности, связанные с бытованием научной метрополии, поэтому в сборнике представлены материалы, которые написаны и материалы для которых собраны различными сотрудниками Дома Русского Зарубежья. Я бы прежде всего обратила здесь внимание на работы, связанные с некрополистикой Российского Зарубежья. Например, не так давно Наталье Масоликовой, старшему научному сотруднику Дома, удалось найти в Великобритании могилу заместителя председателя Государственной Думы, двоюродного брата Петра Аркадьевича Столыпина Александра Феликсовича фон Мейендорфа. Исключительно интересная фигура, которую можно охарактеризовать не просто как эмигранта, попавшего в трудные жизненные обстоятельства. На протяжении тех лет, когда наше закрытое советское общество и открытое западное общество существовали в ситуации противостояния, он был одной из тех фигур, которые соединяли те самые позитивные начинания и инициативы, которые возникали в процессе, хотя и достаточно слабого, но тем не менее взаимодействия русского мира, или вообще российского общества, на всех континентах. Не могу не сказать несколько слов и о другом материале, который на первый взгляд кажется банальным, а на самом деле представляет собой исключительно интересную эвристическую работу. Это материал Павла Александровича Трибунского о поисках могилы Георгия Владимировича Вернадского, одного из самых известных историков и Российского Зарубежья, и России вообще. Тем не менее, буквально до последних лет не было известно, где находится его захоронение, и господину Трибунскому пришлось проявить недюжинные способности источниковеда для того, чтобы обнаружить это захоронение.

Иван Толстой: Если я правильно помню, он скончался году в 73-м, по-моему?

Марина Сорокина: Совершенно верно.

Иван Толстой: И в эту пору можно потерять могилу? Поразительно!

Марина Сорокина: Запросто!

Иван Толстой: Где же она находится?

Марина Сорокина: Могила Георгия Владимировича Вернадского находится там, где ей и полагается находиться - в городе Нью-Хэвен, в США. Но в рамках нашего постоянного семинара по некрополистике, который проходит в Доме Русского Зарубежья, мы, в том числе и я, с изумлением узнали, что, например, российские захоронения в Шанхае потеряны навсегда, ибо в ходе культурной революции в Китае захоронения не только русских, но и целого ряда иностранцев, которые нашли свой последний приют на китайской земле, были просто напросто уничтожены, и совсем не по причинам идеологического характера, а в силу особенностей китайского исторического менталитета. На месте многих иностранных кладбищ в Шанхае сейчас просто высятся все знаменитые небоскребы, о которых так любят рассказывать и показывать как достижение современной китайской экономики и, вообще, образа жизни.

Иван Толстой: На русских косточках?

Марина Сорокина: Ну, почти что так.

Иван Толстой: Марина Юрьевна, а если положить рядом тома "Диаспоры", очень известного и авторитетного исторического альманаха, посвященного как раз диаспоре (название говорящее), и "Ежегодника Дома Русского Зарубежья", что это за два корабля, что это за два лайнера, идут ли они параллельными курсами или пересекаются, расходятся в разные стороны?

Марина Сорокина: Главное, чтобы ни один из них не разделил судьбу "Титаника", если продолжать те аналогии, те параллели, которые вы предлагаете. Если говорить об альманахе "Диаспора", то, конечно, это прежде всего научный альманах. "Ежегодник Дома Русского Зарубежья" - издание значительно более широкой миссии, я бы сказала, так же как и Дом Русского Зарубежья. То есть "Ежегодник Дома Русского Зарубежья" обязательно содержит чисто научные материалы, в том числе базирующиеся на тех постоянно увеличивающихся архивных фондах Дома, которые увеличиваются за счет постоянной работы по собиранию этих фондов, проводимой сотрудниками Дома. Но одновременно у "Ежегодника" есть серьезная просветительская миссия, вот почему он максимально привлекает на свои страницы и молодых авторов, которые, может быть, еще не стали такими маститыми историками как главный редактор альманаха "Диаспора" Олег Коростелев, всем хорошо известный. Он одновременно привлекает тех наших соотечественников, которые работают над историей Российского Зарубежья, он дает достаточно много материалов, которые рассказывают и о том, чем сегодня Дом Русского Зарубежья живет, чем он занимается как с точки зрения историко-просветительских функций, так и с точки зрения формирования новых площадок для встреч людей, которые, может быть, в других местах или в другое время никогда бы не встретились. Я имею в виду, конечно, и наших соотечественников разных волн эмиграции, и студентов московских вузов, которые здесь постоянно бывают, и серьезных исследователей из академических институтов. То есть "Ежегодник", так же как и Дом Русского Зарубежья, имеет исключительно, с моей точки зрения, важную задачу формирования среды, новой интеллигентной среды новой России.

Иван Толстой: Олега Коростелева я спросил, что нас ждет в следующем выпуске, какую публикацию он готовит?

Олег Коростелев: В следующем выпуске будет библиография, посвященная работам об Адамовиче. Это очень большая библиография, на сотню с лишним страниц, это все публикации об Адамовиче начиная с 1915 года, начиная с рецензии Гумилева и до 2010 года, как газетно-журнальная полемика с ним, так и, позже уже - исследовательские работы, монографии, диссертации, публикации его и о нем. Кроме того, еще будет публикация другого критика, Святополка-Мирского, тоже очень интересного, несмотря на то, что они друг друга недолюбливали и были конкурентами. Не переписывались никогда, вообще друг с другом отношений никогда не имели. Это будет публикация англоязычных текстов Мирского, которые никогда не переиздавались даже на английском, а тут они впервые переиздаются в переводе на русский язык в преддверии подготовки неизданного Мирского. У него вышло несколько книжек, но это все еще далеко от полной картины, поэтому там будет небольшая частичка этой грядущей книги, которая должна будет включать никогда не переиздававшиеся статьи его на русском, в переводе на русский с английского, а также французского и других языков, на которых он писал. Там будет масса интересного, потому что Мирского обычно публиковали частями - кто белогвардейского Мирского, кто советского, кто евразийского. А всю его эволюцию (а он был очень интересный человек) - такой книги не было никогда. И вот теперь она будет. Но это - в преддверии грядущего его полного собрания сочинений, на которое Святополк-Мирский может рассчитывать, потому что это был, при всех своих завихрениях, блистательный стилист и человек с уникальной

судьбой. Он, несмотря на то, что враждовал с Адамовичем, входит в круг моих интересов как один из первой пятерки эмигрантских критиков по качеству, по уровню, по масштабу и по этому самому аристократизму. У него этот аристократизм был не только литературным, но и совершенно объективным, все-таки реально князь.

Иван Толстой: Татьяна Марченко – заведующая отделом культуры Дома Русского Зарубежья. Ее тема в последнее время – творчество Ивана Алексеевича Бунина. Уж сколько о Бунине написано, трудно даже и перечислить. Но Татьяна Вячеславовна рассказала мне об удивительной вещи: оказывается, исследователи практически не обращаются к бунинским рукописям. Что сей сон значит, чем это объясняется?

Татьяна Марченко: С чем это связано, мне до сих пор так и не понятно. Я подчеркиваю, что это рукописи художественных сочинений Бунина, его проза эмигрантского периода, которая давным давно, с 60-х годов хранится в РГАЛИ, и до последнего времени была доступна исследователям, а сейчас, после оцифровки, доступна на электронных носителях (но рукописи, конечно, тоже можно посмотреть). И с чем это связано я совсем не могу объяснить, потому что все наши исследователи - литературоведы, пушкиноведы, гоголеведы, толстоведы, Достоевсковеды, Горьковеды - они все работают с первоисточниками, с рукописями этих художественных сочинений. А здесь, в лучшем случае, они не то, чтобы учитывались в комментариях, они скорее упоминались в комментариях. И оказывается, что самое интересное, что можно сделать, сличая напечатанный текст с тем, как шла работа над ним - как Бунин эту свою знаменитую лаконичную, со всей выжатой водой прозу писал, и что из этого получалось. Вот этого как раз мы почему-то никогда еще не видели. И это то, что мне сейчас доставляет острое исследовательское наслаждение. Мне кажется, ничем более интересным за всю жизнь свою, занимаясь разными вещами из истории литературы, я еще не занималась. То есть это соединение интерпретации поэтики бунинской прозы с текстологией, на основе не только напечатанного, но и написанного, пока еще ждущего времени, когда это все со своими вариантами и редакциями будет напечатано. И надо сказать, что мне хотелось написать монографию, над которой я сейчас и работаю. Мне показалось, что я всю эту бунинскую прозу эмигрантскую туда и вложу, а оказалось, что каждый рассказ, даже из цикла "Темные аллеи" или совсем маленькие поздние рассказы, они требуют такого большого историко-филологического комментария, что на один маленький рассказ Бунина уходит один-два листа исследовательского текста.

Иван Толстой: Каким Иван Алексеевич встает после изучения его рукописей?

Татьяна Марченко: Меня интересует вообще в его прозе как это сделано. Помните, у Эйхенбаума была статья "Как сделана "Шинель" Гоголя". Вот это название из всех литературоведческих названий я больше всего люблю, потому что это отвечает моим исследовательским устремлениям. Мне страшно интересно как это сделано, как написан этот кусок прозы, в моем случае - бунинской прозы, что это доставляет нам такое острое наслаждение, что мы так радуемся этому языку, так радуемся такому финальному пуанту, когда, скажем, в рассказе "Натали", казалось бы, все разрешилось, все встретились, и любовь - вот она, и в декабре она умерла в родах на Женевском озере. И когда мы идем в РГАЛИ и берем там рукопись этого рассказа, написанного во время войны в Грассе, то мы обнаруживаем, что этого финала не было вначале, что Бунин очень долго его искал и первоначально был у него финал, где герои вовсе даже не расстаются навсегда, они продолжают встречаться, навещать друг друга в имении, роман их спокойно развивается и тянется, и герой пишет о себе, что он стал похож в старости на грузина, волосы у него стали чёрные с серебром, и похож он на кого-то кавказца, который сидит около своей лавки где-нибудь в Тифлисе и торгует своим кавказским полезным товаром. И когда я дочиталась до

прежнего, начального финала этого наброска, меня совершенно это поразило. Мы знаем, как Бунин умел этим финалом совершенно потрясти читателя, когда вы ожидаете одного и вдруг сталкиваетесь с совершенно другим, и все, чего вы ожидали от идущего повествования, полностью проворачивается. Вот этого вначале не было. Идет совершенно другой творческий процесс и за ним ужасно интересно наблюдать, вплоть до попытки понять, что там, под этим зачеркнутым словом, какое было слово вначале, какой эпитет был, почему он изменился на другой - и тогда эту прозу мы можем действительно интерпретировать, мы можем говорить, почему Бунин воспользовался таким эпитетом, а не таким, именно когда мы увидим, почему он их искал. Действительно, это очень мелкая деталь, но очень показательная. Скажем, в рассказе "Каваказ" меня всегда поражало, почему среди бела дня, в жаркий полуденный зной герои сидят в комнате, смотрят на море из-за закрытых ставен и море им кажется цвета фиалки. Красиво, конечно. Я на море бывала и мне интересно, почему цвета фиалки. Оно в это время, когда солнце стоит высоко в зените, никак не может быть цвета фиалки, просто физически солнце так не преломляется, другой цвет воды. В рукописи оказался "цвет незабудки". Это совершенно не случайно и гораздо более близко к реальности. Бунин же у нас реалист, натуралист и все очень точно описывает. Но там начинаются просто слишком прямые указатели на мужа, который преследует героев-любовников, они его все время чувствуют рядом с собой, и эта незабудка вылезает из текста и тычется в глаза читателю — мол, не забудь, не забудь, там еще муж примешался. И Бунин убирает эту незабудку, меняет на другой цвет, тоже цветка, но другой. И многое меняется. Не буду сейчас рассказывать как утончаться ткань его прозы в этот момент. И это только один эпитет, который откуда-то вытаскиваешь, зачеркнутый бог знает какими карандашами, ручки чернильными. Это настоящее удовольствие, когда до этого докапываешься.

Иван Толстой: Это ваше исследование идет во втором томе "Ежегодника"?

Татьяна Марченко: Это еще пока только в компьютере, потому что это должно идти в монографии. А в первом томе был рассказ "Русь", тоже основанный на исследовании рукописи, хотя даже название было "Опыт интерпретации", потому что это был разговор о поэтике Бунина. Там тоже был детективный сюжет, мной нежно любимый и связанный тоже с вариантами и редакциями. Потому что есть такой замечательный исследователь в Петербурге - Ольга Владимировна Сливицкая, она очень хорошо чувствует Бунина и прекрасную книжку о нем написала, но она, в основном, в таком философском ключе, она уклоняется в сторону его мировоззренческих тонкостей, а по поводу разных деталей у Бунина она где-то оборонила, почти пренебрежительно, про рассказ "Русь" и журавлей (такая крупно выписанная деталь): "Ну к чему тут журавли? Да не к чему! Просто вспомнились Бунину и он их описал по ходу рассказа". Мне это не нравится, потому что у Бунина просто так ничего не бывает, не могут журавли быть просто так. Но ладно, как-то это откладывается. Открываю я рукопись и обнаруживаю, что "Русь" написана без этого вставного эпизода с журавлями, его просто нет и без этого эпизода Бунин публикует впервые "Русь" в первой книжке "Нового журнала" - во время войны посылает в Америку Алданову и в "Новом журнале" "Русь" выходит без журавлей. А журавли написаны два года спустя и вставлены в этот рассказ, который в более полном, каноническом, хорошо известном нам виде появляется в отдельном издании "Темных аллей". И так можно просто гулять по всем бунинским рассказам, по рукописям, и, по-моему, это страшно интересно. Но это не единственное, что дает проза Бунина, когда вы работаете с рукописями, с этими вариантами и редакциями. Есть еще вторая составляющая в том, чем я занимаюсь. Можно это условно назвать "комментированием", потому что этого тоже никто не делает и мне это тоже нравится, потому что у Бунина в его словесной ткани, в его повествовании упрятано то, что, скажем, у акмеистов выдано по принципу "на, вот возьми ее скорей" - они страшно любят все эти реминисценции, аллюзии, отсылки к другим текстам. И за что радостно хватаются исследователи, как бы их назвать лучше, "интертекстуалисты", потому что там не то, что это на поверхности, но это один из приемов, один из принципов поэтики, и он не скрывается, он

наоборот раскрывается, на нем многое строится. У Бунина ничего нет на поверхности. Вы читаете, вам кажется — ну, какой-то кусок прозы про прошлую Россию, какой-то офицер встретился с какой-то барышней и возникло... Потом они расстались, очень грустно, шел дождик, а мог бы не идти, светило солнце, море было цвета фиалки, и на этом все кончается. Непонятно, зачем это написано, почему. В общем, все это очень мило, но что хотел сказать автор нам, мыслителям и людям глубокомысленным - непонятно. А когда начинаешь все это развинчивать и смотреть как это сделано, из чего сделано, из чего оно прорастает, обнаруживаются интересные подтексты, аллюзии, реминисценции, и Бунин их использует не просто так, это такая мифологическая литературная и библейская составляющая его прозы, они требуют дальнейшего изучения и углубления. И вот этим я занимаюсь.

***Иван Толстой:** И завершит наш разговор о "Ежегоднике" ответственный редактор издания Наталия Гриценко.*

Наталия Гриценко: "Диаспора" это больше академическое издание, оно представляет больше академический подход к исследованиям и публикациям материалов, связанных с историей Русского Зарубежья. Мы же "Ежегодник" свой видим не только академическим изданием, но и научно-популярным, поэтому мы и предоставляем слово, делаем рубрику "Трибуна" или "Кафедра" с тем, чтобы дать возможность публиковать и открыто выступать не только ученым, но и публицистам, деятелям русской эмиграции. Дом Русского Зарубежья это научно-просветительское, культурное, историко-просветительское учреждение, и таким мы и позиционируем наш "Ежегодник". У нас только второй выпуск, поэтому мы пока ищем. Мы даже в этом выпуске (к сожалению, этот материал не вошел в рубрику) планировали дать материал Сергея Сидякина, который находится скорее в научно-популярном жанре, это из серии "ЖЗЛ", где он предоставлял материал, связанный с Рахманиновым и литературно-музыкальными параллелями. Так что я вижу именно таким наш "Ежегодник" - изданием научно-популярным.

***Иван Толстой:** На этом мы заканчиваем разговор о новом выпуске "Ежегодника Дома Русского Зарубежья", который выходит в издательстве Русский путь. В передаче принимали участие Наталия Гриценко, Татьяна Марченко, Марина Сорокина, Олег Коростелев и Николай Мельников.*